

В. МОРДВИНКИН.

ЧОРТ ПАЛЕНЬИЙ

**СКАЗ ПРО ТО, КАК МАСТЕРОВОЙ
МИПЬКА СЕРЧОК С ЧОРТНОМ ПА-
ЛЕНЬИМ ОБ ЗАКАДЪ БИЛСЯ ДА С БУР-
ЖУИ БОРОЛСЯ И КАК ЧОРТЪ
МИПЬКЕ ГОЛОВУ СВОЮ ПЕРОНГАЛ.**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Ж

В. МОРДВИНКИН.

ЧОРТ ПАЛЁНЫЙ

СКАЗ

ПРО ТО, КАК МАСТЕРОВОЙ МИТЬКА СВЕР-
ЧОК С ЧОРТОМ ПАЛЁНЫМ ОБ ЗАКЛАД
БИЛСЯ ДА С БУРЖУЯМИ БОРОЛСЯ И КАК
ЧОРТ МИТЬКЕ ГОЛОВУ СВОЮ ПРОИГРАЛ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва — 1919.

Никем из книгопродавцев указанная на книге
цена не может быть повышена.

Государственное Издательство.

I.

Жили-были на свете чорт Палёный да мастеровой Митька Сверчок. Митька мастерскую имел и для селян сапоги шил, а чорт видимо без работы находился, и Митьку в кабак водил. Повадился чорт к Митьке ходить,—не отвadiшь.

Митька ловко сапоги тачал: два дня пройдет, глядишь, пара готова. А как пара готова, так и чорт на пороге.

Дверь отворит, рожу в щелку просунет и пальчиком помянит. Митька колодки на пол, шило в стену, дратву в ящик, шапку на голову, и был таков. Жена за ним, да разве поспеешь? Не успеет глазом мигнуть, а Митьки и след простыл.

В кабак Митька с чортом не один ходил: попадетса самовар по дороге — самовар в кабак с ним идет, подушка—подушка. Чужие сапоги тоже нередко с Митькой в кабаке гуляли. Митька хоть и на карачках, а домой к ночи придет: сапоги обратной дороги не знали: как попадут в кабак, так там и останутся.

На утро Митька другие шить начинает. Чорт только посмеивается. Как готовы будут, так опять Митьку в кабак поведет.

Пока не часто Палёный Митьку в кабак водил, не спорил Митька против чортовых проделок. Полбанки выпьешь, хорошо этак в голове зашумит, земля как зыбка, а тело как пух. Ног под собой не слышишь: идешь, как плывешь. И все тебе ни по чем. Очень весело.

А как стали с Митькой в кабак и самовар, и подушки, и сапоги ходить, да начала жена Сверчкова по спине Митькиной

колодкой прогуливаться, призадумался Митька. А призадумался видит: заказчиков меньше стало, к другому сапожнику перешли, сам Митька, жена его и Ефимка-сынишка всегда голодны, да в лохмотьях, бабы Митьке в лицо кулаком тычут.

— Крышка,—говорит Митька,—больше в кабак нога моя не ступит. Вот сейчас сапоги кончу, снесу к заказчику, семь рублей получу. Куплю кожи на три, да пуд муки за рубль, да жене ситцу на платье.

Подумал об этом Митька, хорошо на сердце стало. И лицом просветлел. А на дверь поглядывает. Сосёт.

Только поглядел, чорт тут как тут. Рожу просунул, глаза как луковицы, и пальцем манит.

Взяла Митьку злоба. Схватил с верстака колодку, размахнулся что было сил, в переносицу чорту метит. Чорт и глазом не повел, виду не подает: хвостом вертит, ухмыляется. Отвалилась рука у Митьки, на пол колодку бросила. Разве устоишь против чорта?

Шло в верстак, шапку на голову, сапоги под фартук и в кабак.

Пьянее вина Митька напился. А напился, стал с чортом ругаться. Чорт оправдывается:

— Помилуй,—говорит,—что я тебе худого сделал?

— Что худого? Да я тебе все рыло Палёному чорту растворожу. Сапоги-то кому приготовлены были? Сапоги дяконом заказаны из Гавриловки! А тебе бы только прогулять!.. Мыслимо ли, на дела какие пакостные подбиваешь?..

Озлобился Митька. Изловчился, схватил чорта за рога и давай возить. Чорт туда-сюда, не вырваться. Каждое ребро Митька чорту обмял.

— погоди! — говорит чорт после брани.—Я тебе на будущий год покажу!.. Попадешься на мою молотилку...

Чорт видимо без работы находился, и Митьку в кабак водил...

II.

С месяц времени прошло, не узнать Митьку. Ровно осата-
нел: с утра до вечера молотком стучит да дратву гонит. Озло-
бился: от верстака не отходит, все старается старое навестать.

Чорт к нему было и так, и этак—ничего не выходит. Свер-
чок и на порог не пускает: как покажется, сейчас колодкой.

— Ладно,—думает чорт,—не мытьем, так катаньем! Я ж тебя,
голубчик, доведу!

Митька за верстак, а чорт невидимкой да рядом. Где шило
спрячет, что не розыскать, где руку сапожника подтолкнет, когда
тот кройкой займется. Сколько товару попортил. А то встанет
Митька с обрубка дратву достать, чорт из-под него обрубок
уберет. Станет Сверчок садиться, да и на пол.

Сердится Митька, знает чьи проделки, а поймать не может.

Работает себе. Молотком не даром стучит. За неделю че-
твертую пару кончает, а на пятую уж заготовки на верстаке.

Тошно от таких делов чорту.

Если сдаст Митька сапоги купцу, всю семью оденет, да
обогреет. Совсем из подчинения уйдет. Ему только силу забрать.

— Погоди ж,—говорит Палёный,—я тебе все равно рабо-
тать не дам.

Улучил момент, залез в сапог меж колодками, весь сапог
на сторону воротит. Гвоздь в подметку Митька начнет загонять,
сапог сейчас в сторону, молоток мимо. Смотришь, один гвоздь
в одну сторону ушел, другой—в другую. Всю подметку Митька
попусту расковырял. Понять ничего не может.

— Что,—говорит,—за притча?

Перевернул сапог, смотрит: вся головка на сторону съехала.

Озлобился Митька, аж руки затряслись. Схватил молоток,
давай по колодкам ходить. Чорт было тягу, да хвост меж колод-
ками завяз,—никак не выдрать.

А Митька, знай, молотит. Хочешь, не хочешь—пришлось чорту голос подать.

— Как, ты и сюда забрался?—удивился Сверчок.— Эвоно што! Ах ты, гадюка! Гляди что придумал.. Ладно!

Взял Сверчок шило, нацелился чорту в хвост, да молотком. Наколел в другом месте, дратву насквозь пропустил. Чорту ни охнуть, ни вздохнуть.

— Ну теперь,—говорит,—пойдем к дьякону насчет сапог его потолкуем. Мне от него проходу не стало.

Чорт взмолился. Стал Митьке обещания разные давать. Сверчок и в ус себе не дует.

Отставил сапог с чортом в сторону, за новые заготовки принялся. На чорта не глядит, будто и не слышит.

Кроит сапоги, а сам думает, что ему с чорта спросить.

Была у Митьки зацепина такая в голове. Дед Митьки моряком во флоте служил, и когда Митька еще мальчишкой был, дед ему много разных чудес о странах заморских порассказал. С тех пор оно и запало.

— Вот что,—говорит чорту Митька—отпустить я тебя отпущу, но чтоб на слове крепко было. Желаю,—говорит,— страны заморские видеть и наукам заморским обучиться. И чтобы без канители! Как сказано, так, стало быть, и сделано. И тоже,—говорит,—насчет ремесла. Чтобы сапоги мог шить без машинки, а шов строчной и быстро. Коль согласен, расписку давай: на слово я тебе не поверю.

Чорт было отнекиваться, Митька знай стоит на своем. Достали бумагу. Чиркнул чорт ножичком, расписку собственной кровью написал.

— Так-то оно лучше,—говорит Митька.— Это тебе не в кабак с дьяконовыми сапогами. Старайся!..

под землю и выпьет всю кровь подземную: металлы из рудников, уголь из шахт, керосин, нефть. Во многих местах разорвет плотины, осушит реки, пожжет и помнет леса...

— Сказке конец?—спрашивает Митька.

А чорт будто не слышит. Глаза, как тихие свечи в светлый день, горят, сам весь трясется, когти скрючил.

— И вот,—говорит,—плач по земле пойдет, кровь потечет морями. Люди толпами пойдут на зверя и сами войдут в его пасть, и он несколько лет будет поглощать их сотнями тысяч и не насытится... И столько погибнет людей, что ежели бы положить их всех рядом, то получился бы настил длиною в две с половиной тысячи верст...

— Сколько?—спрашивает Митька.—Две с половиной тысячи?.. Ишь прорва какая!.. Антиресно...

Ни на грош чорту Митька не верит. Что Митька дурак что ли, брехне чортовой верить? Ишь, разошелся! Ври, да знай меру!

А чорт продолжает себе:

— И поведу зверя через твою землю. И будет пожирать людей, и на земь валить города. И сожрет зверь твою жену и сына твоего, и ты сам войдешь в его глотку и едва спасешься. Калекой безногим будешь...

— Что такое?—спрашивает Митька.—Ну-ка, как ты сказал?..

— Калекой, говорю, будешь,—отвечает Палёный.—Безногим. А ты слушай дале...

Митька слушает, а уж злоба его разбирает. Что чорт смеется что ли над ним? Знай край, да не падай.

— И сделает тебя зверь рабом своим, вечно хозяином твоим будет. Будешь служить ему, как собака. Заставит тебя жечь села и города твои, бить братьев твоих...

— Стой!—закричал Митька.—Стой! Довольно! Не хочу больше слушать...

— Правда истинная!—говорит чорт.

— Бреешь!— кричит Митька.—Застрашать хочешь... рожа палёная. Ври, да не завирайся!. Двину вот колодкой по хайлу! Живо образую!

— Экий ты горячий,—урезонирует Митьку чорт.—И с чего разошелся? Диви бы неправду я тебе говорил. Какая ж с тебя наука?.. Вот что. Давай об заклад биться. Побьешь зверя—твой заклад. Не побьешь—мой...

Митька разгорячился, готов в драку лезть

— Давай!—говорит.—Никаких зверей не признаю,—говорит.

— А обо что биться будем?—спрашивает чорт

— А давай о голове биться!—отвечает Митька.—Выиграешь заклад—мне конец. Не выиграешь—тебе капут...

— Ладно,—согласился чорт.—Так помни: не побьешь зверя, заклад будет мой!..

— Твой, разумеется...

Хотел было Митька на попятную пойти: очень насчет головы опасно. Вспомнил Сверчок, что про зверя в библии что ли где-то сказано. Может и правда? Вспомнил, да поздно. Срамно Митьке на попятную-то итти,—чорт с ней и с библией.

Так чорт с Митькой об заклад и побились

IV

Долго ли, коротко ли прошло, слышит вдруг Митька—война объявляется.

Митька сейчас в город: надо толком узнать в чем дело-то. А то другие, гляди, раньше узнают. Разве мыслимо?

Приехал Митька в город Народу видимо—невидимо! И все кучами, кучами. Митька, как лошадь отпряг, сейчас и в кучку, ухо вострит.

И что только творится! Германия, оказывается,—чтоб ей на ясном огне, пакостнице, гореть,—войной против России идет. Ну

и русский царь тоже, конечно, кулаки сучит. Где же оно, разве русский немцу уступит?.. Ведь и куда же только проклятый нос не сует?.. Как же, растопыривай карман шире! Нет, брат, кишка тонка, каши ел мало!..

Подошел Митька к другой кучке, накручивает себе на ус. Австрия и Германия, оказывается, против нас идут, а Франция да Сербия с нами.

Заиграло сердце у Митьки, в пятках зачесалось. Это тебе не баран чихнул. Вот что... Союзники! Сила!

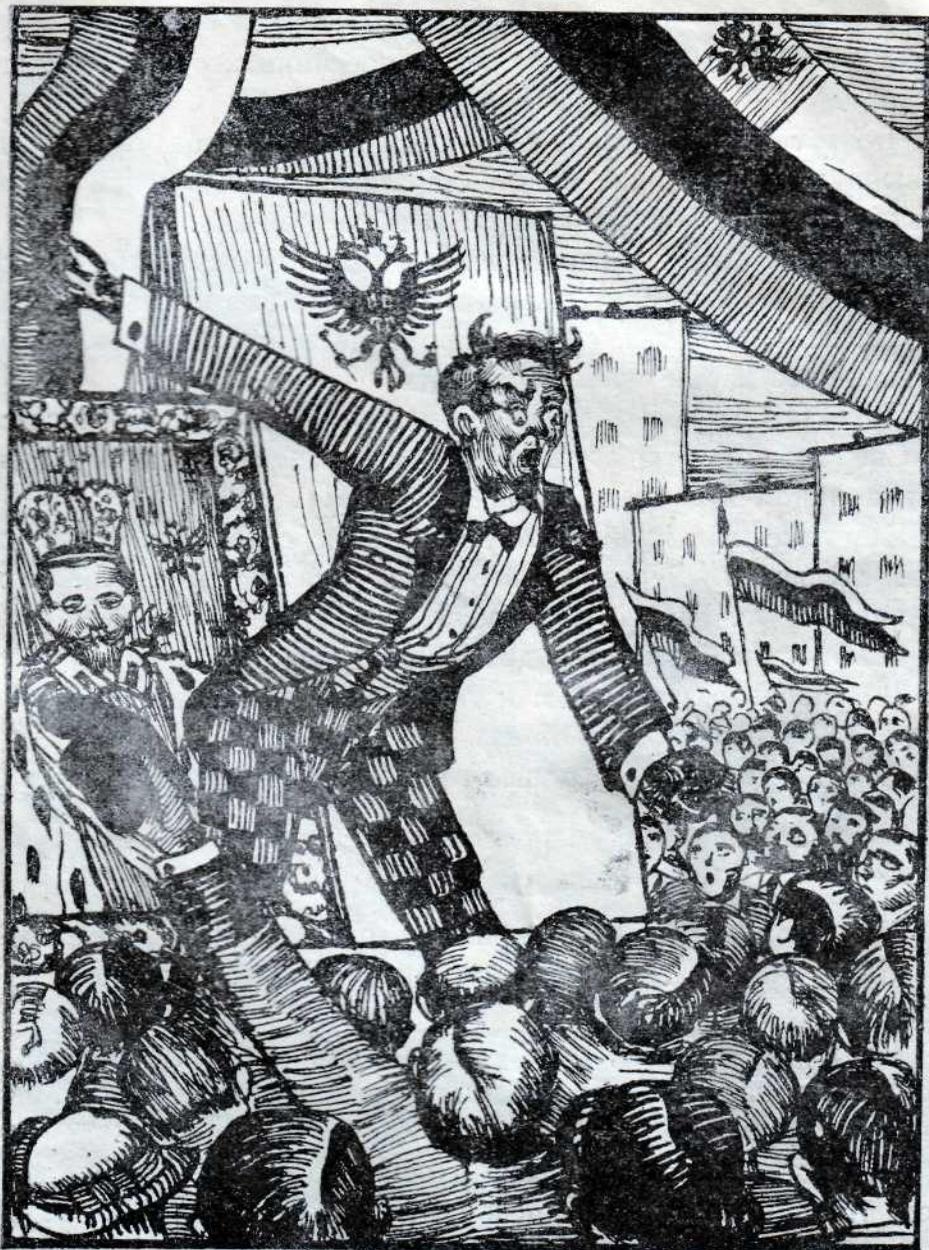
Митька сейчас в новую кучку. Только было приспособился слушать, глядь, из боковой улицы, слышно, толпа валит. Народу, народу... Митька туда.

Впереди царский портрет несут, вслед иконы, хоругви, флаги. «Боже, царя храни» поют. Музыка, барабан Народищу...

Митька шапку долой, да в самую гушу. Дело известное: прет напролом к самым иконам. Стал подходить, смотрит—около портрета человек будто знакомый шагает, а никак не признать. Так, видно, показалось.

Тут за базаром сейчас площадь, и памятник царский стоит. Толпа к памятнику. Кругом облепила. А у памятника на ступеньке человек стоит. Тот самый, что давеча Митьке за знакомого показался. Глаза такие острые, нос с горбинкой и бородка рыжая клинышком. Силится Митька припомнить, где человека того раньше встречал, а не может,—совсем в голове замстило. Приметный такой, а вспомнить не может.

Стал тот человек лицом к народу. Шляпа в руках, волосы по ветру треплются, руку над толпой поднял.—«Тише, дескать, оглашенные». Толпа смолкла. И начал тот человек говорить. И отколь слова такие? Сперва начал этак умильно, да смиренно, на глазах слезы, пригорбился. А потом как разогнется да махнет кулаком, и пошел. Митьке даже под сердце подкатило. Золотые слова! А тот себе так и сыплет. Поговорит, поговорит, да кула-

Н.К.

И начал тот человек говорить. И отколь слова такие?..

ком-то в грудь себя, да еще. «Не посраим, говорит, земли русской».

Что тут было! Митька шапку свою чуть под облако не зашвырнул. Другие тоже немало старались: кто без шапки остался, кто без голосу домой пошел. Шибко кричали.

Пришел Митька на постоялый, лошадь заложил и мигом домой. Гонит во всю, боится как бы ранее его кто на село не приехал, да не пересказал, что в городе делается. Страсть любил Митька новости сельчанам передавать.

Приехал под вечер, а народу в избе полно. Знали соседи, что Сверчок досконально в городе все разузнает. Не ударил Митька лицом в грязь. Обо всем доложил.

Баб тоже в избу Митькину поналезло с десяток. Охали да ахали слушаючи. Деревня Сверчкова недалеко от австрийской границы стояла. Ну, как тут бабам не ахать?

Разговоров без малого до полночи было.

В полночь разошлись, а к утру мобилизацию ратников объявили. Митька в набор и попал.

Хочешь—не хочешь, пошел Митька на войну ногу ломать.

V.

Как чорт сказал, так оно и вышло.

Залез Митька зверю в самую пасть. Прет, как дурак, да и только.

Ну зверь, конечно, спуску не дает. Как попалась ему Митькина нога в пасть, так он зубами тихонечко «трык»,—ногу Митькину и отгрыз.

Митька, конечно, не сразу в чем дело сообразил. Ему казалось, что ногу ядро австрийское отгрызло. На самом деле отхватил Митьке ногу тот самый зверь, про которого Сверчку чорт говорил. Война отхватила—войну чорт зверем и называл.

Залез Митька зверю в самую пасть. Ну, зверь, конечно, спуску не дает...

Сбылось и другое чортово предсказание. Сожрал зверь и жену Митькину, и Ефимку. Как отступали наши войска от границы, да попала деревня Митькина под неприятельский обстрел, и жену, и сына Сверчковых земель в погребе завалило.

Митька об этом много после узнал, когда в Питере в лазарете лежал. Пришло письмо от свояка из деревни, из письма Митька про то и узнал.

Схватил себя Сверчок за жидкую бороденку, и давай себя самого от горя по кровати возить.

Едва солдаты его с бородой разняли. В роде безумного сделался. Есть отчего: сам без ноги остался, жена с сынишкой злой смертью погибли. Мыслима ли тяжесть такая?

А тут еще и другая забота душу Сверчкову гложет: пропала Митькина голова, чорту в заклад проставлена. Митьке ли с войной сладить?

Солдатам в лазарете начнет про свое говорить, а те Митьку же насмех поднимают.

Ладно, думает Митька, из лазарета выпишусь, на фабрику поступлю. Там, слышь, рабочие против войны давно уж борьбу ведут.

Думает так Митька и самому себе не верит: что с войной сделаешь? Она себе живет, как будто и на самом деле зверь, и никак не совладаешь с ней. Дело, стало быть, совсем табак. Вот только насчет хлеба, картошки да всего прочего чорт будто бы поднаврал малость. Может, на этом его поймать? Оно, правда, хлеб-то подорожал, но в продаже его сколько хочешь. Железа много, кожа тоже имеется. Насчет железных дорог—это, правда, слабовато что-то. Да опять же суть вся в том, что, главное, войну побить надо. А как зверя такого побьешь?

Как из лазарета Митька выписался, сейчас на фабрику, к «Скороходу». Встретился по дороге с земляком, по прозвищу «Пенка». Так и так, говорит, погибаю, голову чорту об заклад проиграл. Как горю помочь?

А тот ему в ответ:

— В чорта,—говорит,—ни в какого не верю. А насчет войны, так это дело у нас на-мази. Поступай к нам в большевики,—говорит,—партия у нас такая имеется...

Митька за это и ухватись. Стал спрашивать, как, да что, какая такая партия, да что она с войной делать собирается.

Пенка Сверчку все толком порассказал.

Митька и рот разинул. Видит, что дело очень для него подходящее.

— Записываюсь,—говорит,—в большевики...

Пенка его было задерживать стал. Дело это, дескать, серьезное да опасное, ты-де сначала обдумай.

Митька и слышать не хочет.

— Записывай,—говорит,—нечего тут раздумывать. Я к вам и еще сколько народу понатаскаю!.. Если сосчитать сколько теперь людей против войны, так мы так-то, пожалуй, весь мир в большевики записать сможем. А оно, действительно, если все заодно возьмемся, сломим, пожалуй, зверюгу...

Сразу Митька и на фабрику поступил, и в партию записался. Повеселел.

Проработал день, приходит к себе на квартиру, глядь, хозяйка сообщает, что человек его какой-то поджидает, сидит. Зашел Митрий к себе в комнату и глазам не верит: сидит у него на кровати тот самый человек, что в начале войны в городе у памятника говорил. Глазки остренькие, нос с горбинкой и борода рыжая клинышком. Что за притча?

— Извините,—говорит Сверчок.—физиономия мне ваша очень знакома; встречался, видно, я с вами, а признать вот уж второй раз не могу.

Как захохочет незнакомец.

— Еще бы,—говорит,—не встречался. Старые мы знакомые—в кабаке вместе ходили!..

Так и ахнул Сверчок, по лбу себя кулачищем ударил: чорт стоит перед ним! Он самый, Палёный — рыжая борода. Только и разница, что костюм человеческий одел.

Чуть-чуть Митька с испугу на пол не брякнулся. Спрашивает:

— Так у памятника-то это ты говорил?

— Я самый и есть. Кто же окромя?

— Да как же это ты? — спрашивает Митька. — Твое ли дело с царским портретом ходить, да речи говорить про спасенье России?

— А чье же это дело будет? — отвечает чорт. — Самое разлюбозное занятие Насчет России оно, правда, не того малость. Да ведь я не только на счет России. Я ведь и в Германии был. Там тоже речь говорил: не дадим мол в обиду германское отечество... Мне только вас, дураков, сравить надо было...

Митька и язык прикусил. Понял чортовы шашни. Помолчал и спрашивает:

— Постой, а как же война-то началась? Неужто ты и царей обманул?

А чорт и отвечает:

— А зачем их обманывать? Они и без меня до драки охочи. Что им, крови что ли твоей жалко? Я тут не при чем. Мне было их только подтолкнуть. А они и без меня готовы были другу другу глотку перекусить.

— Да из-за чего ж? — спрашивает Митька.

— Так себе, министры их подговорили. А министров промышленники подтолкнули, — для них это дело прибыльное. Про все то долго рассказывать.. Да и не за тем я пришел.. Голова мне твоя на сегодня понадобилась!..

— Как голова? — спрашивает Митька. — Э, брат, шутки ты плохие затеял!.. Дело еще не кончено!.. С войной-то мы, может, и сладим!..

— Кто же это «мы»? — спрашивает чорт. — Да и как вы можете сладить?..

— Не твоего ума это дело, — отвечает Митька. — Ты свое знай, а мы свое... Не все по-твоему будет... Хлеба да товаров сколько хошь есть. И железа, и меди, и стали... Кожа тоже имеется... Рано пришел! Садись-ка лучше, да ученьем займись. Мне сейчас кстати. Я на фабрику поступил, а там все народ образованный, большевики... Не гоже меж ними мне дураком быть.

Чорт не соглашается.

— Все равно, — говорит, — моя возьмет. Товаров да хлеба уже сейчас мало становится. Годика с три-четыре еще повоюете, так оно и ничего не останется... Что же я с тобой время попусту терять буду... Голова твоя все равно мне достанется. Незачем ее попусту науками набивать.

— Гляди-ка, тебе-то голову сносить ли! — отвечает Митька. — А я раньше смерти помирать не желаю. Хочешь — учи, не хочешь — в суд подам: расписка-то твоя у меня сохранилась.

Чорт суда должно быть испугался, сейчас на попятную пошел.

— По мне, — говорит, — как хочешь. Только тебя же мне жаль. Что голову попусту ломать над наукой будешь? Жить тебе все равно без году неделю осталось...

— А это мы еще посмотрим, — говорит Сверчок. — Железа да кожи-то еще сколько имеется!

— Да что тебе, болвану, железо далось, что ты в нем понимаешь? — рассердился Палёный. — Ты знаешь что ли, сколько его изводится?

— А я и знать не хочу, — отвечает Митька. — Про наш век хватит. Да и на кой ляд оно мне нужно. Рази плуг да борону мужику сделать, гвоздь, струментишко... Крышу мы соломой покроем, либо тесом...

— Дурак и есть, — говорит чорт. — Плуги-то ныне и делать перестали. Как старые доломаете, так тут вам и крышка.

— Как перестали? — удивляется Митька. — А заводы-то на что?

— А заводы ныне только пушки да снаряды работают. Не веришь? Могу показать. Идем,—говорит,—за город...

Митька костыль под руку и пошли. Никак чорту Митька не верит.

За город вышли темно уже стало. Чорт и говорит Сверчку:

— Ну, теперь лезь мне на загорбину. Бросай костыль. Сейчас я тебя в Германию доставлю. Оттоль плуги-то привозили, да из Америки. Хошь, так и в Америку полетим, только это малость подале будет.

Митьке самое разлюбезное дело, давно на Германию посмотреть глаза чесались. Залез чорту на плечи. Костыль не выпускает из рук. Думает: в случае что я тебе, Палёному, съезжу по черепушке.

Чорт как свистнет и пошел. Живым манером в Германии оказались.

— Ну теперь смотри,—говорит чорт.—Это фабричный город Эссен.

Митька ничего не видит, высоко очень летят. Слышит только страшный шум внизу. Огоньки метлешатся.

— Ты,—говорит,—пониже спустись.

— А вот подожди,—отвечает чорт,—сделаю тебя и себя невидимым, так тогда и спустимся. Все обглядим.

Достал чорт из кармана мази какой-то пахучей. «Мажь,—говорит,—рыло».

Митька слушается. Занятно очень. Только намазался—сразу невидим стал. Чорт тоже намазался.

— Ну теперь не зевай,—говорит Палёный.—Видишь трубы, это все—заводы...

Видит Митька сто сорок огромных зданий стоят. Каждое гору дыма из себя выпускает. Шум, даже страшно сделалось.

— Видишь,—спрашивает чорт,—железную дорогу внутри завода. Ну так вот, одна только эта заводская дорога занимает

90 верст: 20 паровозов и тысяча вагонов день и ночь уголь да железо из здания в здание возят.

Видит Митька, правду чорт говорит: паровозы с вагонами без конца снуют и все с грузом.

— Да это еще пустяки,—говорит чорт.—Вон на военных заводах Шнейдера, во Франции, 290 верст железной дороги проложено, 5700 вагонов день и ночь ходят... А теперь посмотри на казармы,—указывает чорт.—Это—для рабочих. Там одних

Залез чорту на плечи. Чорт как свистнет и пошел...

только холостяков 40 тысяч человек живет. А всего на заводе работает 120 тысяч*). Выпусти их на пашню, так они бы тебе в одну неделю полмиллиона десятин вспахали. Вот оно что! А они только железо с углем изводят. В конторе будем, я тебе по заводским книгам покажу, там все прописано.

Митька опять чорту поверил. Спрашивает:

— А что ж один только у немцев завод на войну работает?

Чорт засмеялся даже.

*) Цифры, приводимые в сказке, точны.

— Какое,—говорит,—один! У них еще около четырех тысяч заводов в ход пушено. Я им кадило-то хорошо раздул. У них что ни день, то двести пятьдесят тысяч снарядов готово...

— Эвот!—ахнул Митька.— Да куда ж они прорву такую делают?

— Надо же им из вашего брата кашу готовить,— отвечает Палёный.—Очень вас много против них идет. Одна Россия двенадцать миллионов солдат выставила. Эти если бы за пашню принялись, так в неделю шестьдесят бы миллионов десятин земли вспахали... А они под ружьем стоят, добро только уничтожают. Понял? Хлеба, стало быть, через год-другой не будет..

У Митьки и язык от страху к гортани примерз: правду чорт говорит! Такой зверь, действительно, все пожрет... Мыслимо ли?

— Теперь в завод пойдем,—говорит Палёный, спустившись наземь.

А Митька от страху еле на ногах держится. «Идем,—говорит,—лучше в контору Только где же мне в книгах-то разобраться. Я энтой булгахтерии не знаю, да и по части подсчету слаб».

— Это ничего, я тебя моментально обучу,—говорит чорт.— Разберешься!...

Проникли в контору. У Палёного от всех дверей ключи оказались, отпирает ровно хозяин.

Чорт Митьке и книги заводские показывает, и сразу счету и бухгалтерии обучает. Быстро дело пошло.

И каких только подсчетов в тех книгах не было!

Митька, хоть и плохо учен, а с помощью Палёного узнал из книг вот что.

Узнал первое всего, что относительно железной дороги и рабочих Палёный правду сказал. Митька даже табели посмотрел: 120 тысяч, как есть. Весь город только рабочими да семьями их заселен—народу около 300 тысяч душ.

Узнал далее из книг Митька, что во время сражения рус-

ских с немцами у реки Дунайца немцы выпустили по 20 пудов снарядов на каждого русского стрелка, и что за 4 только часа они израсходовали 700 тысяч снарядов.

— Видал теперь, куда железо-то идет?—спрашивает Палёный.

— Правда твоя, — говорит Митька.

— Это еще пустяки, — говорит чорт. — Это только одни немцы за четыре часа столько потратили. А ты посчитай, сколько все воюющие за все время тратят. И не сосчитаешь! Я пробовал в первый год войны считать, так уж и тогда они тратили по 300 тысяч снарядов в день, да по 30 миллионов патронов. Теперь тратят во много раз боле, никак не сосчитаешь. Скажу только тебе, что до 1916 года одна Англия истратила на снаряды шесть раз по тысяче миллионов пудов железа и стали. Если бы мы из всего этого металла плуги приготовили, так вышло бы по 3 плуга на каждого жителя России — и старого, и малого. Так это одна только Англия, да на одни только снаряды, да за полтора только года. Понял, голова, куда твои плуги-то ушли?

— Понял, — отвечает Митька и выругался. Экое, — говорит, — сукины сыны, дело затеяли...

— А ты дальше смотри, — говорит чорт. — Вот здесь про французскую крепость Верден запись имеется. Вот где, посмотри, сколько немцы железа извели.

Посмотрел Митька, считать стал. Выходит, что около одной только этой крепости немцы за год простреляли 135 тысяч вагонов снарядов, а и крепость-то небольшая. На каждую сажень земли пришлось по 12 пудов железа.

— Вот так мостовая! — дивится Сверчок.

— Это еще пустяки, — говорит чорт. — Вот как была битва у Шампани, так там французы по несколько миллионов снарядов в день тратили. Вот это будет мостовая!

— Да они-то откуда ж столько берут? — спрашивает Митька.

— А я ж тебе говорил про их заводы, — отвечает чорт. — У них есть завод Шнейдера, — так там этой пакости без конца вырабатывается. У них на заводе один только молот с наковальней более 80 тысяч пудов весит. А устроен этот молот так хитро, что можно, к примеру сказать, положить на наковальню твою голову, и он тебя по уху со всего размаху свистнет, а головы не тронет... Вот, братец, какая штука! Вся земля сотрясается вокруг, как начнет этот молот ковать. Ревет подобно дикому зверю.

— Что за чудеса! — удивляется Митька.

— Что, не веришь? — спрашивает чорт. — Могу показать... Хочешь?

— Нет, — отвечает Митька, — довольно. Мне домой пора, некогда. Спасибо за науку.

— Ну, как знаешь, — говорит Палёный. — А то слетаем. Живым моментом обернемся. Или, если хочешь, в Америку полетим. Там пароходы очень ловко делают. У них сейчас с немцами дело наперегонку пошло. Немцы топят, а они новые строят. Вот потеха! А работают быстро... Недавно построили пароход, который поднимает больше 500 тысяч пудов груза, а работали его всего 45 дней... Хочешь посмотреть?

— Нет, — отвечает Митька, — мне на завод пора. Сегодня собрание будет.

— Ну тогда айда обратно, — говорит чорт. — Кстати светать стало. Дорогой на войну сверху посмотришь... Сверху-то оно очень интересно. На, помажь-ка еще рыло мазью. А то, гляди-ка, дорогой заметят нас, еще ядро вдогонку закатят...

Митька помазался, забрался чорту на загорбину и помчался обратно.

Много интересного Митька по дороге увидел, когда над фронтом неслись.

Видел Сверчок, как миллионы людей вместо того, чтобы заниматься общепольной работой, с невероятным ожесточением,

неведомо зачем и за что, подобно безумцам истребляли народное добро, жгли, громили и разрушали города, убивали друг друга десятками тысяч, перегрызали одни другим горло, вырывали осколками шрапнелей глаза, прокалывали штыками животы, перебивали снарядами руки и ноги.

И, глядя на все это сверху, не мог Митька понять, ради чего люди это друг с другом делают.

Видел Митька, как гнали по дорогам табуны лошадей, тысячи стад скота, и как все это моментально рвалось на части ядрами, рубилось топорами и уничтожалось на месте.

Видел он, как бесчисленное количество обозов с громким шумом передвигалось из стороны в сторону, как десятки тысяч пушек каждую минуту выбрасывали из своих жерл сотни тысяч пудов металла бесчисленной стоимости, как сотни тысяч пулеметов, подобно сверкающим пилам, резали, не переставая, целыми взводами, ротами и полками живое человеческое барахтающееся и сопротивляющееся мясо, как сотни тысяч автомобилей с визгом и воем носились из стороны в сторону, поднимая облака пыли и давя по дороге испуганных лошадей и быков.

Видел далее Митька, как с обеих сторон фронта к окопам непрерывно кафились поезда с сотнями тысяч вагонов, доверху наполненных снарядами, пушками, скотом, людьми, сапогами, обмундированием, ружьями, перевязочным материалом, и как все это полностью и мгновенно поглощалось окопами, которые похожи были на жирную серую змею, раскинувшуюся по земле на тысячи верст в длину.

Видел еще Митька тысячи десятин уничтоженных посевов, горы поломанного леса, разрушенные села и деревни и сотни тысяч беженцев, которые, как овцы, напуганные грозой, метались из стороны в сторону, беспомощные и обезумевшие от горя, незнающие, куда преклонить голову.

— Ты видишь?—спросил Митрия чорт.

VI.

Прилетел Митька обратно, отделался кое-как от чорта, сейчас на завод к Пенке. «Так и так,—говорит,—скорее надо за дело браться. Гибнет наша земля от драчливого зверя—собственными глазами видел».

А Пенка в ответ:

— Про чорта ты мне голову,—говорит,—не морочь: во сне это тебе приснилось, либо денатурату налопался. Случается... Как? Не пьешь? Ну, ладно... Насчет войны, так это ты верно. У нас в большевистских книгах давно об этом обо всем написано. Дивлюсь, когда это ты прочесть успел... Что?.. Не читал говоришь? А мне собственно наплевать... Так вот что, ты, я вижу, парень толковый, и язык у тебя работающий. Иди-ка, голова, в казармы...

— Помилуй,—говорит Митрий,—мне и так ногу сломали!..

— Ну вот и дубина,—говорит Пенка.—Разве я тебя воевать посылаю? Ты знай языком работай, других от войны хорони. Повоевали, мол, во славу капиталистов и ладно, кончать давай...

— Нешто это мыслимо?—спрашивает Митька.—А дисциплина-то? Да и в казармы не пустят..

— Дисциплина—плевать! Не пустят—плевать! У нас знакомые есть, унтера даже. Они проведут... А главное вот что... У нас на фабрике работу бросить хотят. На соседних тоже. До того нам с войной капиталисты нагадили, жить не в моготу стало... Ну, так мы тут у себя на фабрике-то пошумим малость, да и на улицу. У нас уж обычай такой: как пошумим, так на улицу... А ты, значит, в казармах действуй. Чтобы войско-то не против нас. С полицией мы, как пить дать, справимся. А чтобы солдаты—ни-ни!.. Понял?

— Понял,—говорит Митрий.—В какие итить-то?

— А вот я тебе записку сейчас принесу... Жарь скорей, землячок. Да, смотри, не подгадь!

— Насчет этого не сумлевайся,—говорит Митька.—Уж я расшибусь!..

Взял Митька записку, сейчас в казармы. Пришел, и давай тыкать солдатам своим обрубком в нос.

— Видали? — спрашивает.—А нога-то была как следует! Хорошая была нога..

Солдаты расспрашивать: где, да как. А Митька им сейчас про зверя. Вспомнил и то, что Пенка про войну говорил, тоже добавил.

— А теперь,—говорит,—надо с капиталистическим зверем кончать.. Царя под микитки тож.. Рабочие без хлеба, жены без мужей, дети без отцов, матери в слезах—мыслимо ль? Доколе терпеть будем?..

Ну, тут солдаты и загудели.

Митьке того и надо, сейчас на завод к Пенке.

— Заказ,—говорит,—выполнил. Другой давай..

Понравилось Митьке. В трех казармах побывал за день.

А другие тоже не спали. Гул пошел на фабриках и по казармам.

VII.

Добились рабочие своего: в одночасье царя скovyрнули Полицию—в покойники, солдаты—за рабочими пошли.

Царя скovyрнули—за войну принялись, да за капиталистов. Не прошло и полгода, стали капиталисты подаваться. Рабочие с солдатами знай напирают. Митька тоже не дурак,—от других не отстает, старается.

Чорт Митьке все время и глаз не кажет. Митька даже скучать стал. «Что, думает, за притча такая? Куда бы Палёному деться?»

Только подумал, а чорт перед ним.

— Здравствуй, — говорит, — Митрий Онуфриевич! Как ваше драгоценнейшее?. Не хочишь ли, — говорит, — булгахтерией заняться?

— Нет, — говорит Митрий, — довольно, спасибо за науку! Теперь я тебя обучать буду. Всякому овощу — свое время... Наперво обучу тебя нашей большевицкой науке...

— Нет, — отвечает чорт, — спасибо на ласковом слове, а такой науке я обучаться несогласен!.. Слыхано-ли, столько веков прожил, а на старости буду эдакими гадостями заниматься... Да у меня и двух зубов нет...

— Зубы, плевать, — говорит Митька. — Ты знай только мозгой сильнее верти... А уж я для друга постараюсь.

Чорт и руками, и ногами замахал. О большевиках и слышать не хочет. «Разве мне, говорит, до того? Я сейчас для Германии пушку «колоссаль» делаю, на 100 верст стрелять будет. Да и не люблю я большевиков. Где это видано, чтобы рабочие государством правили? Не нравится мне такая наука».

— Нет уж, — говорит Митька, — хочешь — не хочешь, а учиться тебе придется. Дело-то теперь о твоей голове пошло. Вот возьмем месяца через два-три в свои руки власть, тогда сразу и войне и капитализму конец. Пропала твоя головушка совсем и с рожками!

— Это ты напрасно затеял, — отвечает чорт. — Не взять вам власти. Не уничтожить войны. А если и совладеете с этим, так я на вас союзников напущу. Эти похуже немцев будут. Да еще саботаж вам устрою. Никогда вам из-под буржуя не выйти!

— Как, пакостник, ты нам саботаж устраивать! — кричит Митька. — Под буржуйским сапогом держать нас хочешь? Зверя на нас натравливаешь?..

А чорт тоже рассвирепел до последнего. Из черного аж зеленым сделался.

— Не бывать по-большевистскому!—кричит.—Не поддамся!..
Бросился чорт на Митьку, а Митька — костьюлем. Большая драка вышла, да чорт сильнее оказался. Митька давай-ка кричать: совсем чорт забодал рогами.

Прибежали ребята—чорта и след простыл.

VIII.

После драки все по-сверчкову пошло.

Не прошло и двух месяцев, сколупнули рабочие да солдаты капиталистов. Сейчас же работа пошла: на свой лад государство переделывать стали. Землю крестьянам отдали. Фабрики и заводы за государство взяли, мир заключили. Ну, думают, теперь мы свое хозяйство наладим. Денег на войну тратить не придется, поля засеем, заводы полным ходом пустим. Будет у нас всего вдоволь. Починим железные дороги, пароходы в ход двинем—дело пойдет по-новому, по-хорошему. Сами своему добру хозяевами стали...

Чорт, однако, не спит. Сейчас большевикам саботаж и контр-революцию устроил. Но и Митька не спит—устроил чорту чрезвычайку: саботажников и контр-революционеров под замок посадил. Думает: теперь крепко.

Да разве скоро с чортом справишься? Повадился чорт мужиков на восстания подбивать. Как Советская власть где сплхует, так у чорта восстание готово. Сколько народу зря перевел! Но и с восстаниями Советская власть управляться стала.

Чорт тогда чехо-словаков итти на Советскую власть подбил: а Советская власть, будь не дура, Красную армию организовала.

Видит чорт, дело плохо,—к союзникам. «Так и так,—говорит,—совсем Советская власть одолевает! Скорее подмогу давайте!»

А те в ответ:

— Неоткуда взять, мы с немцем деремся!

— Дураки вы, — говорит Палёный. — А еще буржуи! Подмоги не дадите, так большевики и у вас революцию сделают. Страшные пакостники... Да и подмога-то небольшая нужна. Войска больше ста тысяч не потребуется, давайте снарядов побольше да денег.

— Это тебе зачем? — спрашивают.

— А я, — говорит Палёный, — трех генералов к себе на службу подрядил. Снарядов если да денег дадите, так они за мною хоть бы в ад пойдут.

Чорт к союзникам. «Так и так, — говорит, — совсем Советская власть одолевает!»...

Народишку на деньги-то тоже найдем, а иных обманем. Дураков в России-то еще много имеется!..

— Да что ж ты с тремя-то генералами да с народишком сделаешь? — спрашивают буржуи.

— А мне и делать-то немного надо, — говорит Палёный. — Мне их только втянуть. А как втяну, дело пойдет по-старому: же-

лезные дороги еще более развалятся, хлеба да товаров еще меньше станет. Того только и добиваюсь...

Буржуи согласились. У чорта дело опять пошло.

Митька с товарищами тоже не спит. Собрали артель грамотеев да и послали в разные государства, чтобы тамошних рабочих на путь наставлять. В иностранных войсках агитацию повели, свою армию увеличили. И пошла по миру революция гулять.

Чорт туда-сюда,—ничего не выходит. Что ни день, то хуже. Совсем изморился сердечный, даже шерсть вылезать стала. «Ну,—думает,—один конец. Надо к Митьке итти! Проворным парнишка оказался».

Пришел чорт к Сверчку с повинной.

— Извини,—говорит,—Митя, погорячился! Уж очень ты мне наукой большевицкой в ту пору досадил. Неужто и в самом деле ваша возьмет?

— А ты разве не видишь?—спрашивает Сверчок.

— Нет,—говорит,—ничего я теперь не понимаю. У меня и глаза ослабли. Вижу только, что уж очень вы расплодились кругом...

— Ну, ладно,—говорит Сверчок,—я тебе покажу. Подставляй-ка горб... Вот так!.. Ну теперь неси меня на такую гору, отколь бы вся земля видна. Есть такая гора? Ну так вот туда и лети...

Чорт Митьку живо на гору доставил. Слез Митька наземь. Костыль поудобнее поставил, чорта за лапу взял.

— Ну теперь гляди—говорит.—Видишь, сколько народищу на земле? Все трудящиеся... А видишь, что делают? Видишь?.. Смотри-ка, смотри—драка какая! Это оружие из складов буржуйских рабочие разбирают—для революции. А теперь посмотри-ка на старое: что от него осталось? Меж собой войну трудящиеся разных стран уже прекращают, за капиталистов всюду берутся.

А с капиталистами как покончат, тогда, брат, всем войнам конец. Крышка, брат, довольно! Рабочим, крестьянам всюду власть перейдет... Посмотри-ка, что со старыми окопами стало: все поразвалилось; травой окопы твои зарастают, дождями смываются. Сколько их от прежней войны осталось?.. И десятой части нет...

— Верно, — соглашается чорт

— А посмотри, что на пашнях да на заводах делается. Поля-то, смотри-ка, как зеленеют, фабрики-то, смотри-ка, как дымят. Товары готовят!.. Да что там готовят! Это они и раньше готовили; только раньше-то все буржую шло, а теперь, смотри-ка, трудящимся пойдет... Ты взгляни-ка, что в городах делается!.. Видишь, какие толпы везде? Видишь, какая свалка идет? Это все большевики!..

Водит Митька рукой в разные стороны, и куда ни ткнет, везде горит революция.

— А теперь послушай, — говорит чорту Митька.

Стал чорт прислушиваться: и слышит гул со всей земли идет. Кричит громким криком вся земля, а ветер относит; никак разобрать нельзя.

— Ничего, — говорит, — не пойму...

— Плохо твое дело, если не слышишь! — говорит Митрий. — Я хорошо слышу... Ишь вся земля криком исходит...

— А что ж они кричат? — спрашивает чорт.

— А это все наш брат, рабочие кричат. А кричат они... Слышишь, слышишь, как орут?.. Эх медная глотка! Это покрепче будет, чем твоя «колоссаль»!.. А кричат они: «вся власть Советам!» Ты постой, вот ветер сейчас переменится...

Притихать стал ветер, и еще яснее понесся крик со всей земли. Наплывает, как волна:

— Вся вла-ась Со-ове-та-ам!..

Побледнел чорт. Закачался. «Что такое?» — спрашивает.

И с другой стороны — глухо, далеко, в миллионы голосов

— Вся вла-ась Со-ооове-там!..

Затрясся чорт, как от боли, ахнул, взмахнул лапами и разверзлась под ним земля, раскрыв под ногами тартар.

И летел чорт длинными часами в бездонный тартар, исходя криком от невыносимой боли, и в ушах его, как медная труба неслыханной силы, непрерывно трубило:

— Вся-а вла-ась Со-ооове-таам!..

Моей сказке конец. Знаю я, что мало ныне людей, которые бы в чорта верили.

Так что ж! Если я и соглашусь с вами, что чорта не было, все же моя сказка—не сказка, а быль...

А на горе с Митькой и я был. Все, что написал— правда.

Видел я, как со всех сторон земли,—с севера и юга, запада и востока,—поднимаются сотни миллионов трудящихся, и мерно, в ногу, под знаменами цвета зари, железной поступью поднимаются к власти.

Видел я взмахи сотен миллионов приподнятых к разрушению и творчеству рук и слышал, как трубный звук, подобный раскатам оглушающих тысячепудовых громов, властно и торжественно возвещал:

— Вся власть Советам!

Видел я, как из земли вновь к небу и солнцу поднимались разрушенные в войне великие города, как миллионы плугов бороздили плодородную землю, как созревала и собиралась жатва. Видел тысячи тысяч заводов и фабрик, отчетливо вращающих свои колеса, шестерни и валы ради великого творчества, на всечеловеческое благо. Наполнялись склады и хранилища, и дома человеческие на моих глазах становились домами, полными земных даров, домами плодородия.

И неведомым светом, падающим, как из гигантских светильников, из бесконечных мировых пространств, наполнялась земля, вчера еще бывшая пристанищем нищих и обворованных.

На глазах моих рождалась Всемирная Социалистическая республика—республика трудящихся.

Это я видел.

КНИГИ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО.

ПОВЕСТИ:

1. Про землю, про волю, про рабочую долю.
2. Батраки.
3. Мужики.
4. О попе Панкрате, о тетке Домне и явленной иконе в Коломне.
5. Земля обетованная.

СКАЗКИ:

6. Сказки-складки про старые порядки.
7. Диво дивное.
8. Сказка о Балде и о страшном суде.

БАСНИ:

9. Мошна туга, всяк ей слуга.
10. Правда и кривда.
11. Всякому свое.
12. Сытый голодного не разумеет.
13. Куй железо, пока горячо.
14. Всяк Еремей про себя разумеи.
15. Отцы духовные.

СТИХОТВОРЕНИЯ:

16. Красный казак.
17. Красноармейцы.
18. В огненном кольце.
19. Песни пробуждения.
20. Земля, земля.
21. Каиново наследство.
22. О Митьке-бегунце и его конце.

КНИГА ДЛЯ ДЕТЕЙ:

23. Читай, Фома, набирайся ума.

С запросами и заказами следует обращаться в книжные магазины
Государственного Издательства.

МОСКВА.
Тверская, 11. Тверская, 28.

||| ПЕТРОГРАД, Фонтанка, 31.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена.

Государственное Издательство.

Цена 6 руб.